



ли мушкетеры и пушкеры, манипурская конница, отряды слонов, пехотинцы, вооруженные луками и мечами. У подножия высокого, покрытого пальмами и кустарником холма весь этот поток замедлял движение, останавливался. Подтягивались по реке боевые лодки. С вершины холма они казались черными черточками на серебряной полосе реки. Король Алаунпая стоял у пагоды Шведагон, окруженный свитой и военачальниками, прислушивался к ровному гулу армии, доносившемуся снизу. Поход закончен. Бирма после многих лет раздоров и войн снова объединена. Что ж, он достиг своей цели. В предвечерней дымке на горизонте угадывался океан.

— Как называется деревня у пагоды? — спросил король.

— Дагон. Там живут рыбаки.

— Хорошо. Пусть же теперь эта деревня будет

ЯНГОН — КОНЕЦ ВРАЖДЕ

И. МОЖЕЙКО

называться Янгон — конец вражде. И пусть не армии проходят через нее, а корабли торговцев.

Это было в 1757 году...

В течение семидесяти лет жители Янгона честно выполняли наказ короля Алаунпая. Деревня быстро разрослась и превратилась в бойкий торговый город, куда заходили корабли из Индии и Индонезии, Китая и Сиамы. Но в 1825 году период мирной жизни кончился. Красные мундиры английских солдат заполнили улицы Янгона. Загромыхали пушечные выстрелы у древней пагоды Шведагон, на бирманскую землю вновь пришла война. А еще через несколько лет над Янгоном взвился флаг английского губернатора.

Англичане стали называть город Рангуном, словом, не имеющим никакого смысла. Это имя закрепилось за ним во всем мире. И не удивительно — ведь сведения о Британской Бирме доходили до мира только через англичан. Бирманцы же продолжали и продолжают называть свою столицу Янгоном.

Мне довелось некоторое время проживать в Янгоне (далее я буду называть его Рангуном, так как это название уже твердо прижилось в русском языке). Я привык к этому городу, полюбил его настоящее, спрятанное от поверхностного взгляда под слоем румян экзотики, лицо. Городу пришлось многое пережить: восстания монахов, владычество англичан, японскую оккупацию... И годы оставили на нем ясно различимые следы. Проходя по его улицам, вглядываясь внимательно в жизнь бирманской столицы, многое можно узнать о самой Бирме.

* * *

Центр Рангуна с самого начала тяготел к реке, так как город был, в первую очередь, портом. И долгие годы пагода Шведагон находилась в предместье Рангуна. Но теперь, когда население его

приблизилось к миллиону человек, Рангун простирается километров на двадцать от реки, так что пагода оказалась, если не в деловом центре, то в центре географическом.

Она видна с любой точки столицы. Громадная золотая ступа, возвышающаяся на сто метров над платформой, является такой же неотъемлемой деталью рангунского пейзажа, как гора Фудзи в Японии. Пагода покрыта листьями золота, и зонт ее усыпан драгоценными камнями. Иногда приходится сталкиваться с заблуждением, что пагода — это что-то вроде церкви: с дверями, внутренним залом и даже окнами. В действительности это не так. Бирманские пагоды представляют собой сооружения, подобные египетским пирамидам. Они не имеют внутренних помещений, за исключением небольшой камеры в основании, где замурованы святыни.

Если историю и современную жизнь Бирмы можно в какой-то степени узнать, познакомившись с Рангуном, то Шведагон отражает историю Рангуна, ибо буддизм не только занимает большое место в жизни бирманцев, но и в значительной степени связан с национально-освободительным движением в стране. Монахи активно участвовали в этой борьбе с английским господством. На площади у западного входа в Шведагон высится памятник монаху У Визаре, который скончался на 176-й день голодовки, объявленной им в знак протеста против действий колонизаторов.

Англичане начали завоевание Бирмы со штурма шведагонского холма, где укрепились защитники Рангуна. Захватив Рангун, англичане перекрыли один из входов в Шведагон и разместили на территории храма воинскую часть, которая находилась там до 1930 года. Глумясь над религиозными чувствами бирманцев, они устроили возле пагоды кладбище для солдат и офицеров, погибших при ее штурме.

Когда в Бирме начало разворачиваться освободительное движение, многие демонстрации, митинги и забастовки проходили у пагоды. Здесь же в 1936 году собирались студенты, объявившие всеобщую забастовку.

У подножия холма находится мавзолей. В нем похоронены руководители молодой Бирманской республики и национальный герой Бирмы — генерал Аун Сан.

Аун Сан и его сподвижники — министры временного правительства Бирмы — были убиты в 1947 году во время заседания в Секретариате — здании Совета министров Бирмы, в дни, когда решалось будущее страны, когда английские империалисты шли на все, чтобы удержаться в Бирме. Нашелся и предатель — главарь небольшой профашистской партии, которого звали У Со. У Со встал (или, вернее, был поставлен) во главе заговора против национального правительства Аун Сана и нанял нескольких головорезов. 19 июля 1947 года, вооруженные автоматами, они проникли в Секретариат, где заседали министры, и расстреляли их в упор.

Но надежды организаторов убийства не оправдались. Как только весть о злодеянии распространилась в Рангуне, тысячи и тысячи людей собрались к Секретариату, чтобы продемонстрировать свою преданность делу Аун Сана.

У Со был казнен, а английскому губернатору пришлось покинуть свою резиденцию даже скорее, чем он мог предположить.

Сегодняшний Секретариат — тяжеловесное, красно-желтое кирпичное здание, построенное англичанами в том же тоскливом викторианском стиле, что и административные здания в других колониях британской короны, — кажется внешне таким же, как и пятнадцать лет назад. Но только внешне. Внутри он сильно изменился. И не только потому, что кабинеты чиновников при губернаторе заняли бирманские министры, но и по самой атмосфере, царящей в нем. Когда Секретариат служил только перевалочным пунктом для указаний, идущих из Лондона, там было слишком просторно. Но теперь Секретариат тесен. Комнаты заставлены простыми тиковыми столами, завалены папками с делами, проектами. Карты новостроек, планы земельных реформ, схемы и диаграммы закрывают потемневшие от времени стены. Но работа, ведущаяся в Секретариате, как и в других учреждениях, расположенных по соседству, только начало. Несмотря на то, что прошло уже четырнадцать лет с того дня, как с губернаторского дворца спустились «Юнион Джек» и красное с синим полотнище Бирманского Союза заняло его место, Бирме предстоит еще многое сделать, чтобы избавиться от последствий многолетней британской оккупации...

Уже много лет прошло с тех пор, как автоматные очереди разорвали тишину Секретариата, но если вам случится оказаться в Рангуне утром 19 июля, в день смерти Аун Сана, то вы услышите, как раздастся в порту гудок парохода, через секунду к нему присоединится другой, третий... И вот уже над городом нависает тягучая симфония гудков. Останавливаются автомобили, режут сирены, включаются в симфонию гудки электростанции и лесопилок. В этот час погибли герои. Проходит несколько минут. Замолкают одна за другой сирены, и, когда утихнут гудок последнего парохода, кажется, что город замер, опутанный скорбной тишиной. И вот уже он снова оживает, оживает порт. Снуют по реке сампаны и лодки, гулко стучит паровой молот, забивая сваи причалов.

Рангунский порт, причалы которого протянулись на несколько километров, во время войны был разрушен налетами английской авиации и до сих пор полностью не восстановлен. Грузооборот его также не достиг еще довоенного. Сейчас проводится работа по реконструкции и восстановлению причалов. У действующих причалов теснятся океанские корабли. Они грузят рис и дерево, в основном тик. Мест у причалов не хватает, и кораблям приходится по неделям стоять посреди реки, дожидаясь, пока освободится причал. Поэтому километровой ширины река у порта заполнена кораблями. Кроме океанских громад, стоят баржи, каботажные пароходы, катера. Между ними снуют сампаны и лодки, похожие на венецианские гондолы, которые перевозят пассажиров на корабли и на противоположный берег.

А дальше, где кончаются основные причалы, тянутся пристани для пассажирских и грузовых пароходов и барж, пришедших по реке с севера. Река Рангун, на которой расположен город, соединена каналом с Иравади — основной водной артерией страны, и город служит конечным пунктом на Иравади и перевалочной станцией для грузов, идущих в Бирму или из Бирмы.

Еще дальше причалы сменяются мостками, куда пристаивают лодки и баржи с фруктами и овощами. Рядом кипит базар. Фрукты скупаются торговцами и развозятся по магазинам и лавкам. И, наконец, в районе лесопилок и городской электростанции

видны уже совсем невероятные корабли. Там находится стоянка бирманских парусных судов. При взгляде на них возникает одна ассоциация — это каравеллы. Одномачтовые и двухмачтовые парусники с высокими кормовыми надстройками, кажется, сошли с рисунков, изображающих отплытие Колумба в Америку.

В рангунском порту сосредоточен немногочисленный, но боевой рабочий класс Бирмы. Состав портовых рабочих, будучи многонациональным (среди них большое число выходцев из Индии), обусловил специфику классовых борьбы. Если до войны англичанам удавалось спровоцировать национальную рознь и даже вооруженные столкновения между индийцами и бирманцами, то впоследствии совместная борьба портовых рабочих стала хорошей школой пролетарского интернационализма. Уже во время восстания Сая Сана в 1930 году индийцы сражались в рядах повстанцев бок о бок с бирманцами. Восстание было жестоко подавлено англичанами, Сая Сан и его ближайшие соратники были казнены, но имя его не забыто.

Как-то на базаре я купил ярко раскрашенную фигурку фантастической птицы с человеческой головой, но клювом вместо носа. Это птица Галон из бирманских легенд. Она, по преданию, победила дракона Нага, злого духа. Когда я с этой фигуркой в руках забрался в машину, шофер Маун Нью Маун обернулся ко мне и спросил:

— А вы знаете, что эта птица для нас связывается с именем Сая Сана?

— Почему?

— Сая Сан, когда поднял восстание против англичан, провозгласил себя королем Бирмы. Но он был королем бедных людей. И птица Галон стала его гербом. А дракон Нага — это англичане. Все солдаты армии Сая Сана татуировали на груди эту птицу, и она должна была защитить их от английских пуль... Но не защитила... Мы тогда еще многого не понимали.

Когда Сая Сан находился в тюрьме, приговоренный к смерти, из печати вышла его книга по народной медицине (он был по образованию врачом). И «король» Бирмы завещал гонорар от ее издания социалистическим организациям Бирмы. Он понял, что только социалисты смогут действительно бороться с колонизаторами и, погибая, как бы передавал эстафету борьбы молодым силам, еще только возникавшим в Бирме. Вождем этих сил стал Аун Сан.

Но что это? На маслянистой, блестящей на солнце поверхности реки показалось новое судно. Корабль медленно приближается к порту. На мачте его под налетевшим с океана ветерком полощется красный флаг. Советский корабль. Появление красных флагов в Рангунском порту давно уже не вызывает удивления. Громады советских судов привычно подходят, дождавшись своей очереди, к причалам и выгружают на бетон пирсов машины, цемент, металлы — грузы, в которых остро нуждается Бирма. Те же корабли грузят в трюмы бирманский рис. Когда недавно ввиду падения цен на мировом рынке часть этого основного продукта экспорта Бирмы оказалась под угрозой затоваривания, Советский Союз немедленно закупил большую партию риса, пойдя навстречу попавшему в затруднение молодому государству. Часто советские суда разгружают строительные материалы и строительные машины. На светлых ящиках написано: «Рангун, строительство подарочных объектов, гостиница», или «...Технологический институт», или «...Таунджи (госпиталь)».

Если последовать за одним из судов с грузом, то можно посетить эти строительные площадки.

Они находятся на окраинах Рангуна, и нам придется пересечь весь город.

Еще несколько лет назад на улицах Рангуна было что-то вроде вавилонского столпотворения. Торговцы сигаретами, орехами, лимонадом, сладостями, тут же под ногами десятки ободранных бродячих собак... Все это кричит, снует, беснуется, в сумятицу врываются крики рикш и гудки машин. Овощной и рыбный рынок и ночной базар, где торговали всем, чем угодно, — от спичек до костюмов, — вносили свою лепту в этот шум и грязь. Скопления тростниковых хижин, которые вклинивались в ряды рангунских домов, образуя часто целые районы, также портили лицо города, являясь источниками заразы, грязи и, что самое опасное, — пожаров. В 1958 году при пожаре сгорело около четырех тысяч домов, и десятки тысяч человек остались без крова.

Правительство повело решительную борьбу за то, чтобы превратить Рангун в действительно передовой город. Молодежь выходила на воскресники и убирала скапливавшийся годами на улицах и дворах мусор. Добровольцам помогала армия. Однажды утром, проснувшись, мы обнаружили, что на улицах лежат горы собачьих трупов. Собаки, которые у нас — друзья человека, в Рангуне скорее были его врагами. Буддисты воздерживаются от уничтожения животных (хотя практически эта заповедь Будды выполняется со многими оговорками), и собаки, грязные, больные, голодные, покалеченные машинами, стаями бродили по рангунским улицам, изрытым крысиными норами. И вот собак отравили, по крайней мере часть из них. После того как рангунские власти решились на подобный шаг, стало ясно, что наконец-то за благоустройство города принялись всерьез. Вскоре исчезла клоака, находившаяся в самом центре, — овощной и рыбный рынок. Образовавшийся пустырь покрыли бетонными плитами. В нормальный вид был приведен ночной базар, исчезли торговцы сомнительно чистыми сладостями. Наконец, были снесены целые районы скученных хижин. В пригороде Рангуна их обитателям выделили участки земли и оказали помощь в постройке новых домов. Так, например, возник новый район Рангуна — Оккалапа.

Покинув деловую часть Рангуна и проехав снова мимо Шведагона, мы миновали белый особняк Общества переводчиков. Цель этой организации — ознакомить бирманцев с достижениями науки и культуры других стран. Председателем общества является премьер-министр Бирмы У Ну. Вот уже позади остались серые корпуса прославленного своими революционными традициями университета. Мы приближаемся к строительной площадке Технологического института.

Сейчас строительство его подходит к концу. Из Советского Союза поступает оборудование для лабораторий и кабинетов института. СССР прислал в Бирму не только стройматериалы и машины, но и лучших мастеров строительного дела. Стройка стала для бирманских и русских рабочих школой дружбы. Здесь они по-настоящему узнали и полюбили друг друга.

Скоро наступит день, когда в аудитории института придут бирманские юноши и девушки и начнутся первые занятия в стенах, где советские мастера-каменщики, бульдозеристы, штукатуры, бетонщики из Москвы, Ленинграда, Горького — уже прочитали самый что ни на есть практический курс бирманским рабочим, которым теперь самим возводить новые здания в городе под названием Янгон, что означает — конец вражде.

РУШИТСЯ МИФ О «ЕДИНСТВЕ И ГАРМОНИИ»

(Окончание. Начало см. на стр. 16)

«прямые действия будут направлены на создание затруднений для португальской администрации... Мы мирные люди, но мы доведены до крайности упорством некоторых португальских колониалистов». Вириату да Круш заявил, что прямые действия «могут стать прелюдией к созданию освободительной армии Анголы по типу алжирской национально-освободительной армии». В ближайшем будущем, очевидно, будет сформирован единый революционный штаб Анголы, руководящий «прямыми действиями».

Лондонское совещание постановило согласовывать действия всех патриотических организаций португальских колоний. Вскоре будет созвана широко представительная конференция всех национальных организаций, которая создаст Постоянный координационный комитет для руководства борьбой за независимость.

Истинные патриоты не хотят быть «португальцами Африки и Азии». Лондонское совещание вновь потребовало от португальского правительства торжественного признания права народов португальских колоний на самоопределение, полной амнистии для политических заключенных, восстановления всех гражданских свобод и, главное, свободы образования политических партий, а также вывода португальских войск и полиции с территории колоний.

Последние события в Анголе показали всю справедливость и своевременность требований, выдвинутых патриотами. Выступления оппозиционных португальских кругов, захват капитаном Галвао и его соратниками лайнера «Санта Мария» и совершенный им рейс свободы послужили лишь дополнительным толчком к новому подъему национально-освободительного движения. Тщетно португальские власти пытались уверить мировую общественность, что восстание, вспыхнувшее в Луанде в ночь на 4 февраля, подавлено и что в Анголе царит спокойствие. За штурмом тюрем 4 февраля последовало нападение на полицейский участок 15 февраля. Португальские власти обрушили на восставших град репрессий. Тюрьмы Анголы забиты до отказа. Предполагают, что под арестом сейчас содержится до 800 человек.

Зверская расправа португальского поселенца-фермера с африканскими рабочими в Северной Анголе послужила поводом для новой вспышки народного гнева. Как заявил председатель партии Народное движение за освобождение Анголы Марио де Андраде на III Конференции народов Африки, «народ Анголы приступил к непосредственным действиям по свержению португальского господства в своей стране...»

Ангола не одинока в своей борьбе. 40 стран Азии и Африки призвали к обсуждению положения в Анголе на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Это предложение поддержали 79 делегаций. Мировая общественность зорко следит за развитием событий в португальских колониях. Силы мира и свободы стремятся предотвратить новое кровопролитие на африканской земле. Африканским патриотам в португальских колониях предстоит еще тяжелая борьба, но они полны воли к победе. Они верят, что яркий свет свободы озарит царство мрака, созданное империей Салазара в Анголе и Мозамбике.